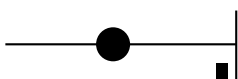

**НОВЫЙ
РУССКИЙ
РОМАН**

НАТАЛЬЯ ЧЕРНЫХ

НЕОКОНЧЕННАЯ
ХРОНИКА
ПЕРЕМЕЩЕНИЙ
ОДЕЖДЫ

РОМАН

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-49

Художественное оформление *С. Власова*

Черных, Наталья Борисовна.

Ч-49 Неоконченная хроника перемещений одежды / Наталья Черных. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Новый русский роман).

ISBN 978-5-04-091679-5

«Это была недолгая и страстная любовь. Черкизон возник внезапно, долгожданным возлюбленным, а ушел тихо, а я почти не заметила, как он ушел...» Книга «Неоконченная хроника перемещений одежды» формально – о вещах, признаках благополучной жизни. Но необычный, дискретный и синкопированный, как рваная мелодия фри-джаза, жесткий и проникновенный роман поэта Натальи Черных позволяет взглянуть на 90-е с неожиданной стороны.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091679-5

© Черных Н., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Г Л А В А

1

— Тебе нужно оформить инвалидность.

Это было сказано мне! Через полгода — двадцать пять. Молодая, наглая, себя люблю. Сема Сторож кривенько улыбнулся, подкрепив фразу. Противопоставить Семиной улыбке нечего. Он психолог и христианин. Два высших — психфак и Свято-Тихоновский. Психфак неоконченный, но сумма знаний у Семы на докторскую.

Работал он, что называется, волонтером, хотя это слово еще не было популярно. Кроме того, Сема потомственный христианин. Но зарубежный. Брак с патриархальной девушкой его духовник не благословил. Так что Сема вместо семейной занялся общественной деятельностью. Он выглядел как волосатый, беседо-

вал с молодыми депрессивными личностями и очень многим помог. Слезть с наркотиков. Жениться. Прийти в храм. Найти работу. Но инвалидность? Мне?

Шли по Царицынскому парку, наступая на выпуклые корни сосен.

Именно что мне. Жить не собиралась — молодая и наглая. Объяснять значение этой фразы — «не собиралась жить» — по меньшей мере глупо. Она совершенна и не имеет оттенков. Это инфинитив как он есть. Употребляла наркотики, но не была на дозе. Могла и любила выпить, и даже порой напиться, но лучше бы этого не делала.

Сема Сторож, как потом поняла, думал, что получу группу по психиатрии — «шизофрения». Что было обычным делом среди тогдашних знакомых. Сема видел меня одной из хрупких депрессивных хиппушек, которые к тридцати рожают, полнеют и выходят замуж в третий раз, уже удачно. Группу мне дали позже, и не по психиатрии, а по неврологии. Диагноз был неприятным и больше походил на приговор.

В то теплейшее сентябрьское утро возвращалась из Царицынского парка, шла к Кантемировской и думала: если дадут инвалидность, наконец куплю что-нибудь из одежды. Как хотелось покупать одежду, и чтобы это был не секонд-хенд. Марки волновали мало. Нужен был сам факт покупки. Примерно в той же степени нужно было впечатление: какая интересная вещь! Это моя вещь!

Недели две как рассталась с мужчиной своей жизни. Конечно, смешное словосочетание, да и мужчина смешной. И тут же приехала к Семе — рассказать ему,

что рассталась. Семя смущенно посмотрел и не решился сказать, что желает нам с бывшим вместе выпить. Мужчина моей жизни! Белокурая дрянь, как будет объяснено после. О дряни уже не тосковала — грустила о себе. О том, что — наглая и молодая — умерла, а вещи остались.

Вещей оказалось сравнительно много.

История моей любви с Черкизовским рынком восхитительна, как радуга зимой или звездопад. Рассказ будет о моей любви к Черкизону. Это была недолгая и страстная любовь. Черкизон возник внезапно, долгожданным возлюбленным, а ушел тихо, а я почти не заметила, как он ушел.

Что знала об одежде до встречи с Черкизовским рынком — понятно, что ничего. То, что ее шьют портные и можно сшить самой. Отношение к покупке одежды было скорее неприязненное, и вот почему. Красивые вещи стоили дорого. Они продавались в магазинах, выглядящих неприятно и надменно. Дешевые вещи радовали недолго. После знакомства с Черкизоном поняла, что одежда — это пластика жизни. По ней не встречают и не провожают. В ней спасаются или гибнут.

Из покупок нескольких лет перед знакомством с Черкизоном запомнилось совсем немного. Не более трех. Вот они.

Первая — полушерстяная куртка в зелено-золотистую клетку, прикрывавшая зад. Стоила шестьсот рублей в районном универмаге, уже начинавшем превращаться в торговый центр. Осталась только одна такая куртка и только пятидесятого размера. У меня был

невзрачный сорок два — сорок четыре. Висела куртка в закутке рядом с отделом вещей для дома, блестящими остатками хрусталя и портьерных тканей. Там же была приличная нехитрая мебель. Вещи были расставлены в таком порядке, что уже не нужно было ничего покупать. Можно было ходить и рассматривать, будто всем этим уже обладаешь. Вот она, победа социализма в действии. В капиталистическом обществе в то время меня бы не пустили внутрь магазина, как не покупателя.

Да я не покупатель. Квартира, где тогда жила, зияла винтажной полупустотой, гораздо более устрашающей, чем полная пустота, подающая надежду. Квартира была дедова, а он вещи не любил. Вещи любили меня. Куртку захотела немедленно.

Это отливающее изумрудом чудо московской швейной промышленности было мое, и только мое, пусть это был пятидесятый размер. На теле куртка болталась довольно игриво. Как выяснилось, ее можно надевать даже с широкой юбкой. Это называлось — воспевание нищеты, пауперизм. Или еще короче: стиль бохо. Куртка прослужила долго, года три или даже четыре. Затем была подарена.

Вторая покупка была в долг, десять рублей. В том же универмаге увидела темно-синие, навигаторского цвета, мужского кроя, брюки из вельвета в крупный рубчик. И невыносимо захотела их купить. Размер не помню, тогда была полновата. Деньги в долг дала тусовщица Мама Катя. В кафе «Джалтаранг», посмотрев на меня предупреждающе небольшими и очень красивого разреза черными глазами. Мол, точно отдашь?

Про «базар» и «без базара» я еще ничего не знала. «Конечно!» — сказало мое лицо. Буквально сорвавшись с места, понеслась покупать заветные брюки. Носились они долго. Деньги потом аккуратно отдала. Какими ухищрениями дожила месяц (зарплата была около ста рублей) — не помню.

Третья покупка — белые лодочки за двадцать пять рублей. Французская обувь из комиссионного магазина, и моего размера, тридцать пятый. Ноги в них измучились порядком. Но лодочки были очень хороши. Изюминка была в том, что каблук был не очень высоким, ровно так, чтобы создавалось ощущение легкости. Форма каблука была необычная: лезвием. Сбоку смотришь — нормальный каблук, не шпилька. Но сзади каблук выглядел шпилькой.

Если нет стен — дом все равно есть. Потому что есть одежда. Она сохраняет удивительное свойство. Человека нет, есть его одежда, и значит, есть его дом.

Ванечка, белокурая дрянь, был значительно моложе меня и зол прелестной злостью существа, желающего завоевать мир. Посмотрели бы на него теперь. В меру лысый и полный. Тогда он был литературный тусовщик — то есть намеревался стать самым известным в мире автором всего на свете.

Слово «рассталась» обозначает сразу множество эмоций и их вариаций. И некоторое, ограниченное, число сюжетов. Мой крайне непопулярный и очень редкий. Эта белокурая дрянь действительно был моим последним мужчиной. И не дрянь вовсе — Ванечка ужасно милый собеседник. Мне нравилось его дразнить, он так забавно морщился.

Ванечка когда-то познакомил меня с одним печальным поэтом. Поэт после милого литературного вечера и прогулки по майским бульварам предложил приехать к нему в гости. Мы согласились. Это был красивый жест: горечь расставания утопить в дружеской попойке.

Поэт встретил нас у метро. Он немного косил сонными глазами, поворачивал, чтобы лучше видеть, козий профиль. Привел в родительский дом, основательный, с тяжелыми креслами и большим столом. Книги, люстры, вазы — все было дорого и убедительно.

«Тяжело ему, — подумалось мне, — из такой крепости не сразу вырвешься».

Помимо воли вспомнилась мать, инженер на пенсии, любящая шить, а тогда — бесприютное существо в поисках монашества. То есть мать по образованию не швея, но шить любила и умела. Пенсия связана была с работой на вредном производстве. Мать приезжала в Москву из странствий по монастырям раз в месяц, получала пенсию — сто рублей. Пятьдесят отдавала отцу, а пятьдесят — мне. Отец кротко терпел поездки матери. И каждый раз терпеливо уговаривал никуда не уезжать. Но мать все равно уезжала. Эти сто рублей были очень тяжелые деньги. Но пользовалась ими. Мамины деньги были особенными. Это были самые тяжелые деньги в моей жизни.

Однако вернусь к попойке, так как это сюжетный узел.

Сели на уютной кухне, то было наиболее светлое место в доме во всех отношениях. Поставили на стол пакет, который мы с Ванечкой принесли, а там были

пельмени и бутылка водки. Или пельмени были у поэта, а водка у нас — не помню.

Посиделки оказались, конечно, пошлыми, но милыми и ужасно трогательными. Есть в этой молодой пьяной бесшабашности соль любви. Нам всем было очень мало лет. Поэту было двадцать пять, вроде уже мужик, а не юноша. Хотя такие, как он, — юноши даже в гробу. Однако соль была ощутима больше, чем пошлость. Мы любили друг друга.

К ночи поняла, что отравилась. Еще перед глазами было самое начало, когда поэт, волнуясь, поставил на плиту кастрюлю с водой под пельмени, а мною уже владело полное забытье. Видела и слышала все, даже могла двигаться, но в себе не находилась. Ванечка взялся меня провожать.

Решила ночевать не в дедовой квартире, а у знакомых — Эйнштейна и Анны. Приехали к ним около полуночи. Чтобы особенно не шуметь, постучала в окно, где был свет. В этот дом часто даже заходили через окно. Кажется, тогда именно что залезла в окно, дождавшись ответа, так как не было сил обойти угол дома и войти в подъезд. Хозяев такое поведение, конечно, раздражало, но это были ангелы на земле.

Мир, где нет живых существ, а есть только материал, оказался невероятно привлекательным. Этот мир понемногу открывался мне, пока отравление делало свое дело, а защитные силы ему противостояли. Действительно, очень сильно отравилась, и непонятно, почему другие — нет? Поэт и Ванечка были просто навеселе. Наверно, не расщепляю алкоголь.

И очень это переживала.

В мире, где не было живых существ, а был только материал, свет шел из нескольких некрупных источников. Центрального освещения там не было. И они волновались — ткани, фасоны, цвета. Особенно цвета. Тогда прочувствовала уже сильно облегченным нутром, что мой ориентир в мире одежды — цвет. И только цвет. Могу смириться с размером больше. С невыгодным фасоном. Но с неподходящим цветом — никогда. Совсем не обязательно, что цвет должен быть к лицу или к чему-то. Дальше: цвет может быть ординарным, скучным. Но он обязательно должен говорить. И это была первая речь, которую услышала в мире одежды. Сразу же научилась распознавать эту речь. Перед глазами медленно раскрывались геометрические фигуры, из них возникали то угловатые, то нежные силуэты. Очень цветные силуэты! Да, цвет. Он — признак жизни. Он — начало движения. Пошла на цвет, как идут на огонек в темноте незнакомой местности.

— Ты думаешь хоть иногда, что делаешь с собой? — спросила жена хозяина Анна. Плавный профиль и уложенные виньеткой модерна жидковатые волосы. На самом деле — хвостик. Но какой изысканный! Крестилась Анна несколько лет назад. С тех пор совершенно изменилась. Она не стала все и сразу отрицать или изменять. Продолжала жить с мужем и детьми, заботилась изо всех сил о них и о своих знакомых. Но на совершенно другой основе. Эта основа большинством ее знакомых высмеивалась. Как Анна не рехнулась в своем собственном доме от такого двойственного отношения — дура и хозяйка одновременно — не понимаю.

— Это город — один пароль, и моя головная боль, — ответила из утробной глубины Аниного дивана полусмешкой. Не хотелось, чтобы Анна сильно переживала за судьбу моей души.

— Бодлерша! — возмутилась она. — А отец Федор по ночам не спит, чтобы вот таких бодлерш спасти! Завтра — в храм. На литургию.

«Спасаться. Нужно спасаться. Но как Бог отнесется к тому, что решу спасаться? Если посмотреть отстраненно, то вот что. Она хочет покончить с собой. Она считает себя слишком слабой для всего, что ей досталось».

Мысли путались, но были чисты и приятны. Внезапный сон оказался глубоким.

Анна разбудила меня довольно резко. В комнате, бледной в бледном свете, было по-праздничному суетливо. Сразу же ощутила аромат домашности, который могла воспринимать только в небольших дозах. Сейчас он был как раз нужной консистенции. Дети умылись, начали одеваться. Старший готовил портфель к воскресной школе, младшая нагло съела яблоко, глядя на маму.

— Что же, теперь ты не причастишься, — вскинулась было Анна. Осеклась, откинула прядь со лба и впрыгнула в туфли на босу ногу.

— Ну и что, — ответила младшая, манерно изогнув плечико.

Успела все же умыться, протереть лицо подарочным одеколоном Эйнштейна и затем намазать растительным маслом. Из бутылки, что стояла в кухне. Косметику Анна называла козьей меткой. Крема в доме

не было, никакого. Было освященное масло, им пользовались часто.

Вышла на улицу первой, подождала Анну с детьми. Хотелось выкурить сигарету, но не стала — подташнивало.

Еще слабо понимала, что происходит вокруг меня. Различала только хлопковую невыглаженную юбку Анны. Казалось, что у материала, из которого сшита эта юбка, стильная и даже харизматичная потертость. Немашинная. Не знаю, как это определила. Вряд ли в то утро помнила, что есть ткани, состаренные ручным способом. Они стоят дорого и доступны не всем. А тогда шла за Анной, рассматривая мятую потертую ткань, которая переливалась темными и светлыми оттенками, и думала, что это самый красивый черный цвет, который видела в жизни.

В метро удалось сесть. Анна вручила мне молитвослов. Читай, мол. Молитвослов оказался в кармане этой самой харизматичной юбки. Мамино воспитание сработало как часы. Уткнулась в книгу и стала читать «как мама». Тем более что Анина воскресная истерика очень напоминала мамины праздничные истерики: готовься, молись. Очень давно не причащалась.

На мне были джинсы, которые считала очень удачными: полуклеш. В начале своей жизни со мной они были клешами, но пришлось укоротить, так и получился полуклеш. Может быть, силуэт джинсов не выиграл сам по себе, но представить на мне клеша в ширину стопы было невозможно. Путалась бы в них. В джинсах войти в храм, как мы тогда считали, нельзя. Вопрос о юбке для храма был решен Анной

мгновенно. Она достала из своей холщовой сумки большой платок и заявила: тебе хватит. Ничтоже сумняшеся, встала и изобразила из платка юбку-саронг. На переходе с линии на линию саронг не упал. Но вот при выходе из вагона к Анне прицепился сумрачного вида мужичок:

— Девушки, а почему у вас такие юбки длинные?

— Должно же быть у женщины хоть что-то скрывать! — бросила ему Анна и заторопилась к выходу. В одной руке — младшая, в другой — понятно кто. Старший уже взбегал по ступеням.

Мужичок прокричал вслед, что должны быть груди и ножки.

«Дались им всем груди и ножки», — подумалось мне.

— Считаю, что нужно сделать рывок в области пластической хирургии. Возможно, он уже совершен. Нужно, чтобы мужчина в нужный момент доставал груди и ножки. Именно свои. Какие ему нравятся в данный период. Полноватые или худощавые.

— А женщины доставали бы кое-что другое, — православно парировала Анна. — Все-таки ты бодлерша.

— От слова «бодаться», — наконец улыбнулась.

Выход из метро был долгий. Пока шли вверх по лестнице, было ощущение, что всасывает в себя зыбучий песок. Наконец вышли из дверей, взяли резко налево.

— Батюшка благословил идти именно этой дорогой, — сказала Анна.

Пока поднимались по лестнице, перед глазами кружились вороха чужой одежды. Отчасти подаренной,